

СТИЛІСТИКА

Габидуллина А.

– доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета
УДК 81'42

ИРОНИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье анализируются семантико-стилистические особенности реализации иронической модальности в научно-популярном лингвистическом тексте. Показаны экстралингвистические и языковые способы создания иронии в научном дискурсе. Описаны коммуникативные девиации, лежащие в основе иронического эффекта. Названы стилистические приемы создания иронии. Показаны особенности использования сравнения, оксюморона, катахрезы как средств выражения насмешки.

Ключевые слова: ирония, научно-популярный лингвистический текст, ироническая модальность, контекст, метафора, метонимия, оксюморон, катахреза.

Габідулліна А.

– доктор філологічних наук, професор кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов Донбаського державного педагогічного університету

ІРОНИЧНІ ВИСЛОВЛЮВАННЯ В НАУКОВО-ПОПУЛЯРНОМУ ЛІНГВІСТИЧНОМУ ТЕКСТІ

У статті аналізуються семантико-стилістичні особливості реалізації іронічної модальності в науково-популярному лінгвістичному тексті. Показано екстралінгвістичні та мовні способи створення іронії в науковому дискурсі. Описано комунікативні девіації, що лежать в основі іронічного ефекту. Названо стилістичні прийоми створення іронії. Показано особливості використання порівняння, оксюморона, катахрези як засобів вираження глузування.

Ключові слова: іронія, науково-популярний лінгвістичний текст, іронічна модальність, контекст, метафора, метонімія, оксюморон, катахреза.

Gabidullina A.

– Doctor of Science (Linguistics), Professor, Linguistics and Russian Language Department, Horlivka Institute for Foreign Languages, Donbas State Teachers' Training University

IRONIC STATEMENTS IN POPULAR SCIENTIFIC LINGUISTIC TEXT

The article analyzes semantic-stylistic features of the ironic modality implementation to the science popular linguistic text. Extralinguistic and linguistic ways of creating irony in science popular discourse are shown. The article describes the communicative deviations forming the ironic effect: the destruction of stereotypes, cognitive scripts, based on the illogicality of objects integration into a common group; a nontrivial way to point at an object: the author names one object, meaning another; manipulating the pragmatic potential of the utterance, including intentions; ironic manipulation with precedent names, utterances, etc. Stylistic devices for creating an ironic effect are also named.

Key words: irony, science popular linguistic text, ironic modality, context, metaphor, metonymy, oxymoron, catachresis.

Постановка проблеми. В последние годы в пространстве интернета появился ряд конкурирующих образовательных сайтов (качественных и не очень: «Грамота.Ру», «Мел», «Глазариий языка» и др.), в которых публикуются статьи о языкознании, преподавании языков и культуре речи. Аудитория их разнородна, поэтому авторы прибегают к многочисленным приемам привлечения внимания адресата. Один из них – ирония при освещении лингвистических явлений, событий и персоналий.

Актуальность исследования. Как правило, комическая модальность анализируется в научной литературе на материале художественных и публицистических текстов. Научный дискурс в этом аспекте практически не изучен. Насмешка в любом ее виде считается отступлением от канонов научного стиля и рассматривается «как нежелательные проявления субъективности, что противоречит объективности научного знания. Существование подобных стереотипов означает, что ирония как способ выражения критического отношения к оппонентам автоматически оказывается «*persona non grata*» в научном тексте» [6, с. 116]. Тем не менее, научно-популярный лингвистический текст (НПЛТ) содержит не только познавательную информацию, но и разные типы оценки, в том числе негативной. Несмотря на существование отдельных публикаций (А. А. Болдырева, В. Б. Кашкин, Д. Майерс, К. М. Шилихина и др.), ирония как способ выражения аксиологического субтекста НПЛТ практически не исследована.

Анализ публикаций. Ироническое высказывание всегда является двусмысленным, причем эти два плана иронического высказывания противопоставлены друг другу по параметру «истинности / ложности». «Этот параметр может проявляться в разных иронических высказываниях по-разному: как соответствие / несоответствие действительности, критериям номинации, правилам и т. д., правомерность / неправомерность и др. Еще одной немаловажной особенностью иронических высказываний является то, что оба «слоя» в них имеют «основания во внеязыковой действительности и / или дискурсе» [4, с. 341]. Норберт Гроебен считает ироническое высказывание иносказательно-контрастивным, а его конституирующим признаком является контрастивная диссоциация на пропозициональном уровне (между буквальная и подразумеваемой пропозицией). И. А. Котюрова трактует иронию как «непрямое выражение насмешливо-критического отношения» и утверждает, что такой подход позволяет выявить все многообразие способов ее реализации, и исключает «привязанность к одной или нескольким определенным фигурам речи» [2, с. 10]. Таким образом, это особый тип речевого поведения автора текста, «с помощью которого говорящий выражает свое отношение (как правило, негативное) к описываемым событиям» [5, с. 60].

Ирония в НПЛТ создается с помощью традиционных языковых средств, которые при формировании иронической модальности

становятся контекстуально обусловленными. Это позволяет автору научно-популярного текста создавать второй план, вступающий в контраст с первым. Ирония строится на противоречии между предметно-логическим и контекстуальным значением, включающим эмоционально-оценочный компонент.

Изложение основного материала. Ироническое высказывание в НПЛТ – это «иносказание, не имеющее референта» [8, с. 68]. Нарушается референциальная связь между буквальным смыслом высказывания и значимым фоном.

Отступление от логики – один из эффективнейших приемов, способных показать лингвистическое явление с непривычной, неожиданной стороны. Происходит сопоставление несопоставимых понятий, намеренное отклонение от логических норм, нарушение основных законов формальной логики и вытекающих из них частных правил (например, правил деления понятий). С помощью алогизмов создатели НПЛТ привлекают внимание адресата к явлениям, которые, на первый взгляд, кажутся противоречащими здравому смыслу: *Хильдегарда Бингенская, жившая в Германии в XII веке, попала в историю как одна из первых европейских женщин-интеллектуалок, и помимо прочего она создала искусственный язык, называемый Lingua ignota (на латыни – неизвестный язык). Он дошёл до нас в виде словаря из тысячи с небольшим слов, расположенных строго по иерархии: на первом месте – бог, потом – ангелы, святые и так далее, – и доходит всё до мирских предметов вроде ушной серы. Лексика большей частью апостериорная, то есть слова взяты из уже существующих языков, от грамматики сохранилось так мало, что о ней судить невозможно, а помимо собственно языка имеется ещё и алфавит – чтобы было чем писать херувимам и самому господу* [13]. ... *есть очень сильное польское влияние на украинский язык. Это, как говорится, медицинский факт, он связан с историей Украины, с судьбой Речи Посполитой, огромной восточноевропейской державы в XV–XVIII веках* [16].

Фоновые знания читателя и предикат, на первый взгляд, взаимоисключают друг друга, но затем противоречие снимается. ***Борьба за грамотность в интернете не улучшает, а наоборот, разрушает коммуникацию, уверяет лингвист. «Если указывать собеседнику на ошибки, то нельзя вести с ним содержательную дискуссию», – объясняет он. С другой стороны, какая-то грамотность все равно нужна, потому что это социолингвистический маркер уровня образования, культуры собеседника. Если мы видим, что человек неправильно пишет -ться, -тся, даже если мы не будем на это указывать, тем не менее на основании этого у нас складывается мнение о нём*** [18, с. 177]. Вначале автор заявляет о том, что грамотные люди для интернет-коммуникации не важны, но затем делает уступку: все-таки элементарные правила правописания соблюдать необходимо.

Автор может объединить сценарии, при этом совмещение компонентов носит противоречивый характер. В статье «Ну, как бы, типа: почему слова-паразиты, которые все ненавидят, на самом деле важны» приводится интересное средство борьбы с подобным явлением: *Против «как бы» можно использовать настой из одной измельченной луковицы или головки чеснока, залитой стаканом теплой кипяченой воды. Настаивать ночь, а утром пить натощак. Курс 40–50 дней. От «типа» хорошим средством является свежий сок моркови: детям выпивать по две столовых ложки, а взрослым пить по трети стакана натощак утром и вечером. Для того, чтобы избавиться от «блин», делают клизмы с отваром головки чеснока в стакане молока. Курс 40–50 дней. (Народное средство) [11].* Объединяются объекты «кулинарный рецепт» и «инструкция» с общим значением «наставление». Коммуникативная цель этих речевых жанров – проинформировать адресата о порядке и способах выполнения определенных действий и побудить к их выполнению. Другой пример внешней нелогичности объединения объектов в общую группу: *Только в нашей стране слово «угу» является синонимом к словам «пожалуйста», «спасибо», «добрый день», «не за что» и «извините», а слово «давай» в большинстве случаев заменяет «до свидания» [20].*

Для НПЛТ характерен нетривиальный способ указания на объект: автор называет одно явление, имея в виду другое. Происходит совмещение рода и вида в одной именной группе: *Пончик и даже оладью можно назвать пышкой, хотя в случае с оладьей это уже, пожалуй, языковой экстремизм [14].* В статье о происхождении слова «пышка» (оно здесь выступает в роли гиперонима: *Вначале была пышка. Слово это славянское и вельми древнее*) рассказывается о разных толкованиях этого мучного изделия в многочисленных словарях: *пышная круглая булочка, пухлая круглая булка, пыханцы, оладьи, пончик и т. п.*

Ироническая модальность может создаваться за счет негативной оценки явления или ситуации, в которой находится объект: *Сравнительно недавно hh.ru запустили по телевидению рекламную кампанию (надеемся, это знак того, что дела у них идут не очень хорошо и они скоро обанкротятся; настолько это уродское место) в виде нескольких коротких роликов, которые изображают всяких люмпен-пролетариев, счастливо и очень быстро восстанавливающихся, благодаря этому сайту, свою связь с производством или сферой обслуживания [12].*

Одно из средств создания иронии – обыгрывание прагматического потенциала (интенции) высказывания: *Как перевести на другие языки, что «очень умный» – не всегда комплимент, «умный очень» – издевка, а «слишком умный» – угроза? Есть языки, где допустимо двойное отрицание, есть – где не допускается; в части языков двойное отрицание может выразить утверждение, но только в*

русском языке двойное утверждение «**ну да, конечно!**» – выражает отрицание или сомнение в словах говорящего. В русском языке одними и теми же нецензурными выражениями можно и оскорбить, и восхититься, и выразить все остальные оттенки эмоций. В ступор человека, изучающего русский, может ввести фраза «**да нет, наверно**», одновременно несущая в себе и утверждение, и отрицание, и неуверенность, но всё же выражающая неуверенное отрицание с оттенком возможности положительного решения [20].

Ироническое использование логоэпистем (прецедентных имен) в ироническом контексте тоже нарушает логику референционных связей. Соответствующий эффект строится на противоречивой логике отождествления реального с идеальным при отсутствии правомерности аллюзии на идеальный объект: *В следующий раз, когда ребенок обронит в вашем присутствии «как бы», не заваривайте ему вместо чая **корень розенталя** и не кладите в кармашек рюкзака измельченные **чешуйки бодуэна**. Возрадуйтесь: ваше чадо рефлексит над собственным речевым поведением и ищет наиболее точные средства выражения мысли* [11]. Правда, подобное явление встречается в НПЛТ нечасто (фоновые знания адресанта и адресата, как правило, не совпадают), поэтому информация о выдающихся лингвистах и их открытиях в них представлена эксплицитно – как историко-лингвистическая и биографическая справка, историко-литературный или историко-лингвистический комментарий, которые содержат цитаты, ссылки и т. п.

Средством создания иронии могут быть аллюзии, но «фактор адресата» в НПЛТ накладывает на их использование определенные ограничения. В статье «Этимологическая резня бензопилой» [19] речь идет о происхождении слов, образованных от названий частей человеческого тела: *воочию, наперсник, наперсток, под мышкой, белобрысый* и др.: «*А вот куда девалась шея, так до конца и неясно. Некоторые полагают, что ее следует искать в слове «шиворот» 'воротник' (от «шея» + «ворот», ср. церковнославянское «шия» 'шея'). **Немецкий шеф** с этим не согласен, а что делать, и сам не знает. Так себе **сыщик***». Только филологи могут догадаться, что речь идет о Максе Фасмере – создателе этимологического словаря русского языка: «Шиворот. Обыкновенно объясняют из *шия (см. ше́я) и вóрот (Преобр. I, 77; Горяев, Доп. I, 57; Желтов, ФЗ, 1877, вып. 4, 81), что не лишено фонетических затруднений и не объясняет уничижительного знач. Знач. препятствует также произведению из *šivo-vortъ, якобы "сшитый воротник" (Соболевский, РФВ 60, 364; Лекции 150), кроме того, тогда ожидалось бы *шить воротъ, несмотря на др.-русск. жесткошивый "упрямый", в Чудовск. Нов. зав. XIV в. и т. п.; см. Соболевский, там же. Допустимо предполагать арготическую приставку ши-+ вóрот» [7].

В НПЛТ могут нарушаться причинно-следственные отношения или отношения «действие – результат действия»: *Задумался над*

следующей лингвистической загадкой. В английском и русском языках есть глагол "учить" – "to teach" (читается – ту тич). Для тех, кто занимается сим глаголом профессионально, в обоих языках существует наименование рода деятельности, образованное от этого глагола: "учитель" – "teacher" (тичер). Тут, вроде бы, все логично. Но с другой стороны, есть такое понятие – "наука". По-английски "science" (саенс). Тех, кто занимается наукой профессионально, в английском совершенно справедливо называют scientist (саентист). Вроде как тех, кто играет на гитарах, называют гитаристами, а тех, кто водит тракторы, – трактористами. Но вот по-русски таких людей называют "ученый". По логике, это те, кто долго учился, учился и еще раз учился. По-английски данный русский феномен придется перевести как "the one who has been taught", или, если коротко, "taught" (том). С другой стороны, если следовать логике, наоборот, в русском языке следует переименовать ученых в "научников", ибо, если посмотреть совсем пристально, "ученый" – это далеко не "наученный", это тот, "кого долго учили". Но вот научили ли – не совсем понятно, ибо завершенности действия в слове не обнаруживается [13].

Существуют определенные стилистические приемы создания иронического эффекта. Это могут быть иронические сравнения, которые не усиливают какое-либо качество, а скорее указывают на его противоположность: *С давних пор я говорил «ну». И на каждое «ну» моя мама отвечала: «без ну». Я честно пытался повторить то, что уже сказал, без «ну», но звуки застревали у меня в глотке. Я чувствовал себя учеником, которого попросили выйти из класса и зайти снова, на этот раз постучавшись. Абсурдность и унижительность этой процедуры была настолько вопиющей, что мне проще было промолчать, а маме – не настаивать, ведь она все прекрасно понимала с первого раза* [11]. Сравнение объектов в иронических высказываниях характеризуется нарушением логики объединяющей основы двух сравниваемых объектов: *Ну а в первой четверти XX века конланги-латиниды полезли как грибы после дождя, и самый известный из них – Latino sine flexione, то есть «латынь без окончаний», придуманная итальянским математиком Джузеппе Пеано* [13].

Основное средство создания иронии на уровне тропов – антифразис, т. е. употребление слова или словосочетания в противоположном смысле. Читатель сталкивается с нелогичной оценкой объекта или ситуации, в которой находится объект. Троп часто строится на контрасте значения определённого слова или выражения со смыслом всего высказывания: Если поискать в словарях переводы русского «диверсант», то в соответствующих статьях мы обнаружим английского, немецкого и французского *saboteur*'ов, в компании итальянского *sabotatore* и испанского *saboteador*: перед

нами всё тот же саботажник. Агент влился в ряд этих **ценных специалистов** в XX веке [9]. Саботажник и диверсант никогда не пользовались уважением в обществе, так что в контексте статьи слово **ценных** с положительной оценкой воспринимается читателем как насмешка.

Интенция насмешки может создаваться в результате столкновения в узком контексте антифразиса и астеизма: *Любопытно вот что. В конце рекламных сюжетов появляется фирменный знак компании, а бодрый мужской голос произносит ее название — буквально так: «хэхэру». Это сомнительное образование, очевидно, представляет собой смешение имен двух букв: кириллической Х («ха») и латинской H («эйч»).* Понятно, что вариант «эйчэйч» или «даблэйч» для целевой аудитории сайта (люмпен-пролетариев) звучал бы **чересчур изысканно** (антифразис). Понятно и то, что вариант «хаха», не избавив создателей от упреков в безграмотности, дал бы полное право обвинить их еще и в **идиотизме** (астеизм) [12].

Важная функция иронии в НПЛТ – показать новые аспекты лингвистического явления через метафоризацию высказывания, через заключенное в нем противоречие: *Некоторые **топонимы** настолько **коварны**, что узнать всю правду о том, как в них ставится ударение, помогает только что-то экстраординарное, типа землетрясения. Все помнят, как курортный остров Балú после терактов в одночасье превратился в Бáли: журналисты поняли, что до этого, оказывается, ставили ударение неверно. Поэтому не удивило и откровение о японском острове. Дальше – больше. Все та же ведущая новостей спустя некоторое время перед очередным выпуском уже в полном недоумении поинтересовалась: «А случайно не знаете – Фукусúма или Фукúсима? А то на "Евроньос" Фукúсима говорят...»* И снова ничего не ответила рыбка, вздохнула... [17]. В синоним шпиона слово с **бесхитрым смыслом** «деятель» превратилось далеко не сразу [9]. Слово «шлёпанцы» впервые зафиксировано в 1852 году в словаре Ушакова как просторная домашняя обувь. А вот **шлёпки пока такой чести не удостоились** [15].

Активно используется нелогичная гипербола как средство увеличения степени качества объекта: *Средние века уступили место эпохе Просвещения, мистика и религия ушли в тень, пьедестал заняла наука, а её в те времена двигали **титаны мысли, пытавшиеся в одной голове уместить все знания, доступные человечеству*** [13]. Для создания иронии в НПЛТ характерно и когнитивное уменьшение степени качества, выраженное логически противоречивой литотой, мейозисом или фигурой антиклимакса: *Из свежих проектов выделяются детище канадки Сони Ланг – **токипона, чуть ли не самый простой язык в мире**, в котором используется 125 корней для образования всех слов, и лингва де планета (она же*

«лидепла»), апостериорный конланг, попытка создать гармоничное единство на основе самых популярных национальных языков человечества, причём под человечеством понимается не только Европа [там же]. Литотизация повествования как намеренное снижение его «пафоса» – один из распространенных механизмов создания иронии: Почти одновременно с Гюльшени в Англии жил чуть ли не самый знаменитый европейский маг позднего Средневековья – доктор Джон Ди, при котором обретался медиум Эдвард Келли. И эта парочка в 1583–1584 годах в результате спиритических сеансов получила от ангелов девятнадцать так называемых енохианских ключей, записанных енохианским же языком [13].

Необычные метонимические переносы тоже могут создать эффект иронии: Английское *spru* («вести наблюдение») долго сохраняло свою эмоциональную нейтральность, в начале XVIII века *spru-glass* называлась **честная подзорная труба** [9]: ‘честный человек с подзорной трубой’ → **честная подзорная труба**.

Язык научно-популярных статей на пространствах интернета, с одной стороны, имеет тенденцию к огрублению, повышению уровня агрессивности языка, с другой – наблюдается и обратное явление – эвфемизация речи, активное использование языковых и экстралингвистических единиц, служащих для смягчения, вуалирования, эстетизации негативно оцениваемых понятий. Е. П. Сеничкина в качестве основного признака эвфемизма называет обозначение нежелательного денотата: «денотат эвфемизма соотносится с предметом или явлением, характеризующимся негативной оценкой или негативной коннотацией» [3, с. 6]: С другой, ведь не говорим же мы «Пари» вместо «Парижа», хотя во французском никакого «ж» нет (тут вспоминается анекдот о том, что у русских все делается именно через эту... букву, поэтому и произношение такое). Кто прав? По-своему и лингвисты, и любители японского. Однако выбрать надо все-таки что-то одно, чтобы придерживаться какой-то определенной нормы » [17, с. 7].

Выводы и перспективы. Рамки небольшой статьи не позволили нам осветить все аспекты иронии в НПЛТ. Мы назвали лишь некоторые семантико-стилистические приемы создания иронического смысла. Этот феномен было бы интересно рассмотреть в когнитивном и лингвопрагматическом аспектах.

Литература

1. Балашов С. Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Уральский гос. ун-т. Екатеринбург, 2006. 25 с.
2. Котюрова И. А. Лингвокогнитивный аспект иронических высказываний в современной немецкой публицистике : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2010. 25 с.
3. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. Москва: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
4. Шатуновский И. Б. Ирония и ее виды. *Логический анализ языка*.

Языковые механизмы комизма. Москва: Индрик, 2007. С. 340–372.

5. Шилихина К. М. Иронический нарратив: особенности структуры текста. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 1. С. 59–63.

6. Шилихина К. М. Ирония в академическом дискурсе. *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2013. № 1. С. 115–118.

7. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / авт.-сост. М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачёва, под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина [т. 4]. Москва: Прогресс, 1986–1987.

8. Gans E. Signs of Paradox: Irony, Resentment, and Other Mimetic Structures. Stanford: Stanford University Press, 1997. 236 p.

Источники иллюстративного материала

1. Вешняковская Е. Агенты и шпионы: смешать, но не взбалтывать. *Наука и жизнь*. 2012. № 8. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/20975/>

2. Занимательная лингвистика. URL: <https://sly2m.livejournal.com/562917.html>

3. Ну, как бы, типа: почему слова-паразиты, которые все ненавидят, на самом деле важны. *Глазарию языка*. URL: <http://www.sobaka.ru/city/science/68714>

4. Зачем учить алфавит? *Глазарию языка*. URL: <https://www.facebook.com/glazslov/posts/1642407319185028>

5. Казаков Д. Искусственная естественность. *Наука и жизнь*. 2017. № 10. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/32254>

6. Логинов С. Пышка, пончик и «аладья» (пристрастное кулинарно-филологическое исследование). *Наука и жизнь*. 2007. № 9. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/11571/>

7. Сафонова Ю. А. В какой обуви быстрее дойдешь ... до словаря. *Наука и жизнь*. 2010. № 10. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/18731/>

8. Туркова К. Д. Лингвист Владимир Плунгян: «Про французский и итальянский тоже говорили, что это испорченная латынь». URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_723

9. Туркова К. Д. Землетрясения и ударения. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_687

10. «Если человек неправильно пишет -ться, -тся, у нас складывается мнение о нем». Лингвист – о правилах общения в интернете. URL: <https://mel.fm/novosti/6123705-grammar>

11. Этимологическая резня бензопилой. URL: <https://www.facebook.com/glazslov/posts/1642407319185028>

12. 12 тонкостей русского языка. URL: <https://ludovit.livejournal.com/3675.html>

Васильева Н.

– аспірант, викладач кафедри англійської філології Чорноморського національного університету імені Петра Могили

УДК 81'276'42-055.1–055.2

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ЗАПАХІВ ПРИРОДИ У ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТІ

Статтю присвячено особливостям гендерної вербалізації ольфакторної інформації на матеріалі української прози. Аналізуються засоби опису ольфакторія українськими письменниками та письменницями. Порівняльний аналіз жіночого та чоловічого опису категорії запаху допоможе з'ясувати відмінності у сприйнятті, осмисленні й вербалізації об'єктивної реальності чоловіком і жінкою.